

266-5-1915

ПѢСНИ О ВОЙНѢ

14275

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сергѣй Копыловъ

1897 г.
СВ

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

52

△ $\frac{456}{254}$

266-5-1

Сергѣй Копыткинъ.

БТ78
К659_{по}

ПѢСНИ О ВОЙНѢ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИСПОЛНЕНЫ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЦИКЛѢ ПАТРИОТИЧЕСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ СОЛИСТКИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОЛИНОЙ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

14275

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

На лихого обидчика.

Съ деревень, городовъ, съ безконечныхъ луговъ,
Съ океанскихъ далекихъ, какъ сонъ, береговъ,
Словно валъ исполинскій летучій,
Надъ безбрежную Русью на вызовъ враговъ
Подымаются грозныя тучи.

Буйный вѣтеръ старинную пѣсню поетъ,
Буйный вѣтеръ ихъ гонитъ впередъ и впередъ,
Надвигается буря съ Востока.
Супостатовъ она, словно змѣй, обовѣтъ,
Обовѣтъ и задушитъ жестоко.

Русь идетъ черезъ лѣсъ, черезъ волжскій пустырь,
Шлетъ ей знаменнй крестъ золотой монастырь,
Шлютъ могилки ей вѣщее слово.
Онъ идетъ на врага, онъ возсталъ, богатырь,
И сѣдлаетъ коня удалого.

Русь идетъ. По проселочнымъ пыльнымъ путямъ,
По дремучей тропѣ, по сыпучимъ степямъ
Собираются вѣщія рати,
Чтобъ могилу копать самозваннымъ гостямъ,
Чтобъ утѣшить славянскихъ собратій.

И мужикъ, и бояринъ, и малъ, и великъ—
Всѣ народы поднялись на Царственный кликъ
Какъ орлиная грозная стая!
И сожжетъ эта туча нѣметчину вмигъ,
Вражьи гнѣзда съ дороги сметая!

Да будетъ такъ!

Взошли тевтонскіе посѣвы
Въ поляхъ замученныхъ славянъ,
И Русь встаетъ во блистаньи гнѣва,
Взыгравъ, какъ море-окіянъ.

Мы ждемъ гостей для смерти блѣдной,
Въ объятія сѣверныхъ долинъ.
И ляжетъ молніей побѣдной
Нашъ путь на Вѣну и Берлинъ

Родимой.

Мать-земля, Твой порывъ благодатный
Я въ тревогѣ мірской позабылъ.
Но теперь мнѣ такъ дивно понятно,
Что Тебя я все время любилъ!

И какъ только послышалось слово,
Оскорбившее святость Твою,
Всей душой я почувствовалъ снова,
Что тебя безконечно люблю.

Что тогда лишь я счастливъ на свѣтѣ,
Если царственно-счастлива Ты,
Что мы всѣ—Твои кровныя дѣти,
Какъ у ясной березки листы.

Если стволъ покачнуетъ,—негодую,
Встрепенутся всѣ листья на немъ.
Я люблю мою землю родную,
Мое сердце пылаетъ огнемъ.

День царевича.

Дитя, въ день Твоего Рожденья
Хотѣла Русь у Царскихъ ногъ
Сплести въ лучахъ благоговѣнья
Изъ русскихъ бѣлыхъ розъ вѣнокъ.

Но рвать цвѣты въ улыбкахъ лѣта
Намъ нынче не дано судьбой;
Коварный врагъ, гаситель свѣта,
Русь вызвалъ на великій бой.

И, внемля грозовымъ раскатамъ,
Ведетъ въ слияніи сердець
Войска навстрѣчу супостатамъ
Нашъ свѣтлый Царь и Твой Отецъ.

Пусть праздникъ Царственного Дѣтства
Угодно омрачить судьбѣ.
Святое, мирное наслѣдство
Готовитъ Царь-Отецъ Тебѣ!

Змѣю тевтонскаго коварства
Пронзитъ славянское копье.
Русь поднялась за цѣлость Царства
И за грядущее Твое!

Русь говоритъ, что въ утро это
Она на слѣдующій годъ
Къ Твоимъ ногамъ въ улыбкахъ лѣта
Цвѣты другіе принесетъ.

Средь розъ, въ ея землѣ рожденныхъ,
Вилетемъ мы, совѣстью чисты,
Цвѣты Карпатъ освобожденныхъ
И вѣрной Сербіи цвѣты.

Отечеству.

Тебѣ—всѣ лучшіе порывы,
Тобой живу любя, скорбя.
Мой мигъ печальный, мигъ счастливый,
И мысль и страсть,—все отъ Тебя!

На зовъ Твой дивный, сердце радо
Всѣ блага лучшія отдать.
Тебѣ единственное чадо
Вручить безтрепетная мать.

Пошлетъ жена кормильца-мужа,
Отдастъ невѣста жениха,
И что имъ смерть, нужда и стужа?!
Тамъ нѣтъ боязни, нѣтъ грѣха!

За Русь, за отчее приволье,
За миръ, за совѣсть, за дѣтей,
Мы всѣ пойдемъ, на бранномъ полѣ
Сразить непрошенныхъ гостей.

Русская Мать.

Въ день освященія мечей
Слезу родительской печали
Спалилъ огонь моихъ очей.
Тогда уста мои молчали.

Нѣтъ, материнскій трепетъ мой,
Мое задумчивое горе,
Я не верну, смутясь, домой,
А утоплю въ народномъ морѣ.

Лишь Ты незримую слезу,
Одна, найдешь, Святая Дѣва!
Я—Русь! Моя душа въ грозу
Полна огнемъ любви и гнѣва.

Нѣтъ больше маленькой семьи,
А есть одна семья святая.
Ей всѣ сокровища мои
Я отдаю благословляя.

Въ единый храмъ семьи несмѣтной,
На золотой Его алтарь,
Пришли склонить свой даръ завѣтный:
И Мать, и труженикъ, и Царь.

Памяти героя летчика.

(На смерть П. Н. Нестерова).

Изъ дикой Германіи, злобной безъ мѣры,
Презрѣвшей и миръ, и законъ,
Взвился на Востокъ въ поднебесныя сферы
Косматый, крылатый драконъ.
Навстрѣчу ему изъ-за русскаго бора
Вспорхнулъ нашъ коверъ-самолетъ...
Такъ соколъ на коршуна, хищнаго вора,
Стрѣлой направляетъ полетъ!
Всталъ витязь славянскій и съ чернымъ драко-
Схватился въ воздушномъ бою... [номъ
Врагъ рухнулъ на землю съ пронзительнымъ
Прильнувъ къ золотому копыю. [стономъ,
А витязь пожертвовалъ жизнью за славу,
За гибель лихого врага.

Вспорхнулъ его пламенный духъ величаво,
Молясь за родные брега.

Туда, въ необъятное море лазури,
Къ великому солнцу небесъ,
Гдѣ меркнутъ и гаснутъ житейскія бури
Въ созвучіи райскихъ чудесъ!

Ты былъ для отечества вѣрнымъ оплотомъ,
И палъ, какъ народный герой!
Хвала тебѣ, витязь, съ ковромъ самолетомъ,
Хвала тебѣ, соколь родной!

Русская женщина.

Христось Всесильный, Милосердный,
Богъ всепрощенья, Богъ любви,
Свѣчу мольбы моей усердной
Въ тиши ночной благослови!

Въ часъ оскорбленья, въ часъ печали,
Отчизну-мать боготворя,
Всѣ, какъ одинъ, пришли и встали
Вокругъ родного алтаря.

Никто моей не слышалъ пени,
Никто моихъ не видѣлъ слезъ.
Но здѣсь на хладныя ступени,
Я слезы лью Тебѣ, Христось.

Одна, какъ перстъ! Мой мальчикъ кроткій
Въ безгрѣшномъ снѣ зоветъ отца.
Не дай же стать ему сироткой,
Богъ, Исцѣляющій сердца.

Ты видишь все, Богъ милосердный,
Богъ состраданья, Богъ любви.
Тревожный лучъ мольбы усердной
Въ мой страшный часъ благослови!

Славянское возрожденіе.

Сбываются старья пѣсни,
Славянская греза цвѣтеть.
Галиціи молвятъ: Воскресни!
Галиція бодро встаетъ.

Встаетъ въ раззолоченныхъ латахъ
Родная Червоная Русь.
И слышится кличъ на Карпатахъ:
«За мечъ-кладенецъ я берусь!»

Встаетъ и сестра Буковина,
Привѣтствуя Русскую рать.
Сподобить насъ Богъ воедино
Славянскія земли собрать.

Отнять ихъ отъ швабскаго гнета,
Изъ жгучихъ тевтонскихъ оковъ.
Шумъ крыльевъ славянскаго слета
Разгонитъ послѣднихъ враговъ.

Онъ свалитъ ихъ злого Кумира,
Разрушитъ воронье гнѣздо.
И мира, славянскаго мира
Потомъ не нарушитъ никто.

Побѣда.

Сегодня первую побѣдой
Россію Богъ благословилъ.
Презрѣнный врагъ, теперь извѣдай
Всю глубину славянскихъ силъ!

Неумолимо, непреклонно
Русь Мономаха, Русь былинъ
Внесетъ побѣдныя знамена
Въ твой опозоренный Берлинъ.

Терпѣли мы великодушно
Твой лицемѣрный льстивый гнетъ,
Но вмѣстѣ быть намъ стало душно.
Одинъ изъ насъ, но упадетъ.

И тамъ, гдѣ возглашалъ съ балкона
Вашъ Кайзеръ лживыя слова,
Взовьются Русскія знамена!
Въ день золотого торжества.

А ты, Лоскутная Имперья
Намъ не родня. Твой ржавый гербъ,
Твои раскрашенные перья
Сорветъ и братъ нашъ меньшій, Сербъ.

Тамъ, снявъ картонные доспѣхи
Съ Австрійской муміи долой,
Начнутъ Моравы, Сербы, Чехи
Съѣвъ жизни вольно—молодой.

Вздохнетъ полякъ, благословляя
Царя за будущность свою.
А ты, Галиція родная,
Вернешься въ Русскую семью.

Взятіе Львова.

Онъ взятъ. Онъ вырванъ изъ неволи,
Славянскій древній городъ Львовъ!
Всталъ богатырь на бранномъ полѣ,
Взмахнулъ мечомъ,—и нѣтъ враговъ!

Подъ бранный громъ изъ Швабской кѣтки
Освобожденъ славянскій левъ.

И, какъ олень, отъ русской плети,
Бѣжитъ тюремщикъ двухъ столѣтій,
Тотъ, что кичился, обнаглѣвъ.

Трепещетъ Габсбургская клика,
Лоскутья рвутся пополамъ.
Вся Русь отъ мала до велика
На зовъ воинственнаго клика
Идетъ развѣять пыльный хламъ.

Несетъ карательное пламя,
Врагу сжигающее кровь.
А за мечомъ—святое знамя—
Славянамъ братскую любовь!

Врагамъ—безмѣрная могила!
Безумцамъ—каменная кѣтка!

.

Да развѣ есть такая сила,
Что можетъ Русь преодолѣть?!

Галичъ.

Подымайся, Галичъ Древній!
Громче бей въ колокола,
Чтобы всѣ твои деревни
Вѣсть свободы обошла.

Въ томъ краю, куда домчится
Русскій посвистъ удалой,
Разверзуются темницы,
Цѣпи падаютъ долой.

Изолгавшіеся швабы
Поддались позорно вспать.
До Дуная и до Лабы
Русь раскинется опять.

Русь Червонная, родная!
Колыбель Славянскихъ силъ!
Русскій витязь кровью братской
Сердце края воскресилъ...

Петроградъ.

I.

Ознаменованъ дивнымъ словомъ
Канунъ сегодняшняго дня,
Въ ночи, гордясь обрядомъ новымъ
Надъ дѣтищемъ своимъ Петровымъ,
Всталъ Всадникъ съ мѣднаго коня.

Въ Голландскомъ стеганомъ камзолѣ,
Съ гигантской палицей въ рукѣ,

Всталъ Петръ, покорный Высшей Волѣ,
И подошелъ къ Своей рѣкѣ.

Онъ, брови Царственные хмури,
Сталъ зорко вглядываться въ тьму.
Лихая Западная буря
Звучала явственно Ему.

Онъ рекъ:—«Сильна моя держава,
Ея могуществу я радъ.
Живи во вѣкъ, богатый славой,
Любезный сердцу Петроградъ».

Мужайся, Русь! Стоитъ на стражѣ
Царь Петръ, Полтавскій Исполнѣ...
Грозя безмѣрной спѣси вражьей,
Державный перстъ Его укажетъ
Намъ путь на Вѣну и Берлинъ.

II

Съ какимъ восторгомъ это слово
Русь приняла изъ Царскихъ рукъ!
Имъ сброшенъ съ дѣтища Петрова
Нѣмецкій выдвѣтшій сюртукъ.

Четырнадцатый годъ.

Огнемъ безмѣрнаго страданья,
Рѣзцомъ невиданныхъ невзгодъ,
Отмѣченъ въ безднахъ мірозданья
Нашъ годъ, четырнадцатый годъ.

Смелись зловѣщія созвѣздя
Надъ нами въ знаменьяхъ луча.

Караеть Богъ мечемъ возмездья
Обожествленіе меча.

А если тамъ, на звѣздахъ прочихъ
Способны чувствовать, какъ мы,
И различать свѣтила ночи
Сквозь океанъ безбрежной тьмы,

То каплей крови, жуткоцвѣтной,
Чуть уловимой, чуть замѣтной,
Имъ представляется земля,
Затѣмъ, что битвою всесвѣтной
Пылають горы и поля;

Затѣмъ, что кровью въ годъ ненастный
Всѣ города напоены,
И надъ землею поднять красный,
Безумный факель Сатаны.

.
Богъ Милосердный! Богъ Прощенья!
Богъ человѣческой души!
Взгляни... услышь... Одно мгновенье!
Единой слезкой сожалѣнья
Тотъ факель смерти потуши!

Видѣнія Вильгельма.

Ему не спится. Въ мракѣ ночи
Онъ ждетъ забвенья отъ тревогъ.
Но сна послать ему не хочетъ
«Германскій добрый старый Богъ».

Не спитъ безумецъ сухорукій.
Онъ къ ложу жаркому приникъ.

Онъ слышитъ битвы дальней звуки.
Онъ слышитъ чей-то страшный крикъ
Тотъ стонъ идетъ на цѣломъ свѣтѣ
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей.
Вездѣ кричать сиротки дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.

Шлютъ Императору проклятья
Невѣсты, матери, отцы.
Сдѣшившись въ смертныя объятя
Кричатъ солдаты-мертвецы.

Надъ пепломъ Пруссаго позора,
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ.
Съ развалинъ Реймскаго собора
Гудитъ зловѣщій перезвонъ.

А черезъ кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ Германскаго костра
Звучитъ все ближе Марсельеза,
Грохочетъ Русское ура.

Рычитъ голодный людъ рабочій.
Встаетъ обманутый Берлинъ.

Онъ не уснетъ до поздней ночи,
Кровавый Прусскій властелинъ.

Сербскому народу!

Да будетъ святъ твой подвигъ славный,
И перейдетъ изъ рода въ родъ!
Тебѣ—поклонъ и кличъ заздравный,
«Великій Сербіи народъ»!!

Въ цѣпяхъ османа-иновѣрца,
Подъ швабскимъ хищнымъ кулакомъ,
Ты сохранилъ гордыню сердца,
Ты не заискивалъ ни въ комъ.

Ты былъ могучъ восторгомъ вѣры
Въ Славянской правды торжество.
За муки подвиговъ безъ мѣры
Ты будешь счастливъ, какъ никто!

Ты, какъ орель, расправивъ крылья,
Весь въ тяжкихъ ранахъ, весь въ крови,
Разбилъ всѣ вражія усилія,
И Богъ сказалъ тебѣ: живи!

Змѣю тевтонскихъ оскорбленій
Ты встрѣтилъ первый у крыльца,
Мужайся! швабъ согнетъ колѣни
Къ знаменамъ Сербскаго бойца.

Мы племъ молитвы и объятія
И умиленные хвалы
Вамъ, героическіе братья,
Вамъ, Черногорскіе орлы!

Освобожденные Балканы!
Забыть про нихъ должны теперь,
И вы, голодные османы,
И ты, германскій бѣлый звѣрь!

Душа народная.

Душа—не здѣсь! здѣсь-только грани,
Воспринимающія лучъ.

Душа—давно на полѣ брани
У солнца, молніи и тучь.

Душа земли, народа, Царства
Ушла держать народный мечъ;
Смягчать походныя мытарства,
Вести какъ къ празднику на сѣчь.

Ея призывъ—сильнѣе смерти,
Въ себѣ святую мощь тая
Зоветь на бой. Въ ту душу вѣрьте,
Гдѣ наши братья, сыновья.

А здѣсь у насъ, вдали отъ битвы,
Вдали отъ рѣкъ, струящихъ кровь,
Остались свѣтлыя молитвы,
Остались вѣра и любовь.

Остался братскій даръ участья
Къ семействамъ тѣхъ, кто палъ въ бою,
Кто заслужилъ святое счастье
Дать жизнь за родину Свою.

* *
* *

Нашъ господинъ фабричный мастеръ
Былъ очень гордъ, былъ очень строгъ;
Любилъ Вильгельма, деньги, кнастеръ,
Рабочихъ гнулъ въ бараній рогъ.

Онъ помышлялъ, что неприступна
«Двойного подданства» броня;
Но въ Оренбургъ съ друзьями купно
Плетется, Пруссію кляня.

Ахъ, господинъ фабричный мастеръ!
Вотъ «доннеръ-веттеръ» то насталь!
Вильгельму налѣпили пластырь,—
Все «ганцъ капуть»:—вино, и кнастеръ,
И добрый русскій капиталъ...

Въ полевомъ лазаретѣ

Ночь порветъ наболѣвшія нити.
Врядъ ли ихъ дотянуть до утра.
Я прошу объ одномъ, напишите,
Напишите три строчки, сестра.
Вотъ вамъ адресъ жены моей бѣдной.
Напишите ей нѣсколько словъ,
Что я въ руку контуженъ безвредно,
Поправляюсь и буду здоровъ.

Напишите, что мальчика Вову
Я цѣлюю какъ только могу.
И австрійскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.

А отцу напишите отдѣльно,
Какъ прославленъ нашъ доблестный полкъ
И что въ грудь я былъ раненъ смертельно,
Исполняя мой воинскій долгъ.

Солдатское прости.

Грохочетъ бой въ дыму псжарищъ.
Свиститъ губительный свинецъ.
Господь съ тобою. Спи товарищъ,
Пріявшій доблестный конецъ!

Слыхалъ я: гдѣ-то на заводѣ
Остались дѣтки и жена.
Ты повторялъ не разъ въ походѣ
Ихъ дорогія имена.

Еще вчера подь утро битвы,
Когда горнисть игралъ зарю,
Ты, какъ дитя, среди молитвы
Вдругъ зарыдалъ; а я смотрю.

Тогда, какъ будто, укоризна
Схватила за сердце тебя,
И ты промолвилъ:—«Мать—Отчизна,
Ты—намъ единая семья!

Жила бы лишь страна родная,
А все другое—нипочемъ.
Впередъ, врага уничтожая,
Мы въ бой пойдемъ, къ плечу плечомъ.

Умѣстны-ль жалобы лихія,
Когда грозитъ тевтонскій звѣрь.
Отъ насъ Великая Россія
Ждетъ жертвы пламенной теперь».

И утромъ съ доблестью достойной
Ты принялъ смерть въ лихомъ бою.
Прощай, товарищъ! Спи спокойно.
Ты палъ за Родину Твою!

Листопадъ.

Надъ озеромъ свѣтлымъ, какъ кубокъ хрустальный
Поютъ золотые листы.
Алеи полны безгранично печальной,
Тревожно—больной красоты.

Звучить въ листопадѣ напѣвъ тихострунный,
Эоловой арфы напѣвъ.

Въ немъ грусть говоритъ о покойницѣ юной,
О ласковой нимфѣ деревь.

Унала на землю ея діадема.

Ушла молодая любовь.

Марсъ пролилъ на вѣтви изъ мѣднаго шлема
Горячую алую кровь.

Кровь, всюду на листьяхъ кровавыя пятна...

Весь паркъ исполинскій въ крови.

Мой паркъ, гдѣ недавно въ тѣни ароматной

Звенѣли всю ночь соловьи.

Но красные листья исчезнутъ подь снѣгомъ.

А въ шумѣ проснувшихся рѣкъ

Весенняя зелень могучимъ побѣгомъ

Пробьется сквозь тающій снѣгъ.

Придетъ изумрудное долгое счастье.

Опять запоютъ соловьи,

И смѣнять звѣзду боевого ненастья

Спокойныя звѣзды любви.

Бѣлая Дама.

Въ дворцовыхъ покояхъ Потсдама,

Когда императоръ уснулъ,

Зловѣщая Бѣлая Дама

Смутила ночной караулъ.

Сверкали на ней брилліанты,

Шумѣлъ бѣлоснѣжный волакъ,

И впали въ испугъ лейтенанты,

Дрожалъ трехъ аршинный улакъ.

Вцѣпившись въ тяжелыя раны,
Зажмурили очи скорѣй
При видѣ таинственной Дамы
Курфюрсты, нѣмыхъ галлерей.

Былъ старымъ Вильгельмамъ и Фридамъ
Не по сердцу странный визитъ.
Потсдамскимъ владѣтельнымъ лицамъ
Онъ страшнымъ несчастьемъ грозитъ.

язекъ Гогенцоллернъ когда то
Сгубилъ на пиру въ старину
Жену молодого магната,
Московского рода княжну.

Она закололась у спальни,
Томимая гнѣвнымъ стыдомъ.
Былъ найденъ въ придворной читальной
Загадочный свитокъ потомъ.

И грамота та отмѣчала
Коварнаго рода судьбу:
«Онъ будетъ возвышенъ сначала,
Побѣдно закончивъ борьбу.

Возьметъ золотую корону.
Получить великую власть. .
Но сказано—прусскому трону
Отъ холодной Московіи пасть.»

По древнимъ покоямъ Потсдама
Подъ утро при свѣтѣ луны
Зловѣщая Бѣлая Дама
Прошла наканунѣ войны.

Бѣдная.

Дождь подь окномъ моей свѣтелки
Трепещеть, плача и грустя.
У золотой лампадной пчелки
Смѣется Божее Дитя.

Спитъ въ колыбелькѣ мой малютка,
Забывшій бѣднаго отца.
Въ тиши ночной мнѣ стало жутко.
Дождь плачетъ, плачетъ безъ конца.

Въ его глухомъ дрожащемъ шумѣ,
Въ его безсвязной болтавиѣ,
Какъ бы въ отвѣтъ тревожной думѣ,
Вдругъ голосъ мужа слышенъ мнѣ.

Быть можетъ онъ, стена отъ боли,
Сраженный пулей въ этотъ часъ,
Въ холодной мглѣ на страшномъ полѣ
Лежить и думаетъ о насъ...

Въ грозу.

Смерть жнетъ торопливо и гнѣвно,
Ударъ ея мѣтко—свирѣпъ.
Все чаще въ толпѣ повседневной
Ветрѣчается траурный кренъ.

Шьютъ женщины черныя платья,
Могильщики рубятъ кресты.
Вамъ, доблестно павшіе братья,
— Любовь, и хвала, и цвѣты.

Цвѣтами весь холмикъ покроемъ,
Согрѣемъ надгробный гранитъ.
Пусть вѣчную память героямъ
Отечество Свято хранитъ.

Но Русь—наканунѣ разсвѣта.
Не время томится тоской!
Отечеству—многая лѣта.
А павшимъ—великій покой!

Пруссія.

Господь ей много шири далъ,
Но къ сожалѣнью мало мозга.
Въ ея вѣщицѣ, какой скандалъ!—
Не лавръ красуется, а розга..

Маріи Ивановнѣ Долиной.

Вы—соловей родной дубравы,
Славянской доблести баянъ.
Всю жизнь вы пѣли пѣсню Славы
И возрожденія Славянъ.

Вы звали насъ на подвигъ чести
За братьевъ въ страждущемъ краю,
Чтобъ всѣ славяне были вмѣстѣ,
Собравшись въ мощную семью.

И намъ нашентывали звуки,
Что братья маленькіе ждутъ
И къ намъ протягиваютъ руки,
Окровавленные отъ путь.

Звучалъ вашъ голосъ соловьиный,
Давно рассказывая намъ,
Что надо стать рѣкой единой
Славянскимъ разнымъ родникамъ
И внемля пѣснѣ златострунной,
Родными грезами дыша,
Въ насъ окрылилась мощью юной
Душа, Славянская душа.
Тевтонъ падеть и не воскреснетъ!
Восходить солнышко славянъ...
Вы—героиня русской пѣсни,
Вы—нашъ возлюбленный баянъ!

Раненые.

Они ушли совсѣмъ недавно,
Оставивъ счастье и семью.
Они ушли на подвигъ славный
За насъ, за родину свою.
На вызовъ дерзостной угрозы
Всталъ за Отчизну весь народъ.
И, властно сдерживая слезы,
Русь дѣтямъ молвила: «Впередъ!»
Они ушли... И вотъ обратно
Иные шествуютъ въ крови.
Нашъ долгъ борцамъ за подвигъ ратный
Отвѣтить подвигомъ любви.
Затешимъ нѣжное участие,
Проявимъ братскую любовь
Къ нимъ, бѣднякамъ, за наше счастье
Пролившимъ собственную кровь.

Припомнимъ мы, что въ наше время
Всегда, вездѣ и каждый день
Беззвѣстна тягостное бремя
Гнететь пустынность деревень;

Что тамъ въ потемкахъ бредятъ дѣти
Священнымъ именемъ отца,—
И станемъ раненыхъ привѣтить,
Раскрывъ къ нимъ души и сердца.

Знаменщикъ.

Товарищъ! Россія—за нами!
Россія у насъ на груди.
Берите же Славное знамя.
Несите его впереди!

Пусть рвутся со свистомъ шрапнели!
Пусть смерть обагрѣетъ поля.
Тебя защититъ мы съумѣли,
Святая родная земля.

Былъ знаменщикъ ухарь собою,
Но палъ подъ ударомъ штыка.
Изъ рукъ его въ пламени боя
Я принялъ святыню полка.

Да вотъ, не задача какая!
Не долго блаженствовалъ я.
Тевтонская пуля дурная
Коварно сразила меня.

Берите жъ завѣтное древко!
Враги начинаютъ отбой!
Ей, парень, а гдѣ же запѣвка?
Мы съ пѣснями ходимъ на бой.

Послушай, въ годъ внутренней страды,
Въ затменіи чувства и силъ,
Съ толпой впереди барикады
Я красное знамя носилъ.

Но властвуетъ вѣчно надъ нами
Къ отчизнѣ святая любовь.
За русское свѣтлое знамя
Я счастливъ пролить мою кровь.

Вернешься въ Россію, повѣдай,
Коль спросить рабочій—собрать,
Что я передъ самой побѣдой
Несъ знамя и палъ, какъ солдатъ.

А будешь стоять на границѣ,
Прошу тебя слезно, нагнись
И къ черной родимой землицѣ
Тихонько губами прижмись!

Высоко держите знамена,
Любовью и гнѣвомъ горя!
Богъ въ помощь. Впередъ на тевтона.
За Русь, за народъ, за Царя!

Бельгія.

Застывшій въ бронзовомъ металлѣ
У рокового рубежа,
Ждалъ фландрскій левъ на пьедесталѣ,
Народъ Бельгійскій сторожа.

И встрѣтилъ грозно и спокойно
Ты, героическій народъ,
Германскихъ силъ ударъ разбойный
У Льежскихъ каменныхъ воротъ.

Ты задержалъ. движенъемъ лвинымъ,
Внезапный вражескій обвалъ.
Въ бою съ тевтонскимъ исполиномъ
Священный Лавръ завоевалъ.

Ты затопилъ родные шлюзы,
Ты сжегъ родныя города.
Но наложить на край Твой узы
Ты не позволишь никогда.

Ты не внималъ посуламъ лести.
Былъ твердъ, какъ мраморный утесъ,
И на алтарь народной чести
Всѣ жертвы высшія принесъ.

Твой лозунгъ: «Родины свободы
Я никому не уступлю!»
Хвала Бельгійскому народу!
Хвала Альберту королю!

Эхо.

Ночь. Въ окно на мѣсяцъ острый
Докторъ смотритъ молодой.
Потихоньку дремлютъ сестры.
Дремлетъ батюшка сѣдой.

А вокругъ по всѣмъ палатамъ,
Наполняя лазаретъ,
Разсыпается раскатомъ
Громкій, страстный, общій бредъ.

Крикъ команды, крикъ атаки,
Звуки гимна и ура—

—Въ царствѣ смерти въ полумракѣ
Раздаются до утра.

Знать, душа полна до края,
Знать, рѣшился весь народъ,
Если бредить, догорая,
Каждый раненый:—впередь!!

Пиратамъ Ислама.

Притаясь подобно змию
Во хмѣлю германскихъ чаръ,
Ополчился на Россію
Обнаглѣвшій янычаръ.

Грязный, жалкій, въ драгой фескѣ,
Промотавшійся до тла,
Нацѣпилъ на арабески
Знакъ германскаго орла.

Что-жь? дерзай стрѣлять и грабить!
Призракъ нищій, не тебѣ—
Доблесть русскую ослабить
Въ исторической борьбѣ.

Не тебѣ равняться силой
Съ Русскимъ витяземъ святымъ.
Призракъ прошлаго унылый,
Разлетайся, словно дымъ.

Отъ кощунственнаго смрада
Все очистится окрестъ.
Надъ святынями Царьграда
Загорится Божій Крестъ.

Польшѣ.

Не можетъ быть невзгоды большей,
Чѣмъ та воинственная мгла,
Что надъ несчастной гордой Польшей,
Какъ страшный призракъ залегла.

Судилъ Господень Помысль дальній
Странѣ мазуровъ и полянъ
Быть раскаленной наковальной
Въ борьбѣ за первенство Славянъ.
Германскій вепрь, пронзенный пикой,
Учуя смерти голоса,
Рыча и брызжа пѣной дикой,
Вломился въ Польскіе лѣса.

Онъ сжегъ поля, разграбилъ селы,
Разбилъ сѣдыя города.

Онъ осквернилъ Твои костелы,
Дикарь, не знающій стыда.

Не плачь, сестра. Твой братъ могучій
Убьетъ исчадье сатаны.

Наступитъ миръ, и будетъ лучше,
Чѣмъ было раньше до войны.

Не тяготись коварствомъ вражбимъ.

Не бойся искръ его костра.

Мы раны сердца перевяжемъ.

Мы исцѣлимъ Тебя, сестра.

Царьградская легенда.

Въ день разрушенья Византіи,
Къ мірскому зрѣлищу слѣпа,

Подъ купола Святой Софїи
Стеглась несмѣтная толпа.

Въ лазурной дымкѣ ѳиміама
Свѣтились тысячи лампадъ,
И отражался въ окнахъ храма
Пылавшій гибнущій Царьградъ.

Какъ ревъ морской, передъ соборомъ
Неслось побѣдное—«Алла».

Звучали скорбію надъ Босфоромъ
Въ послѣдній разъ колокола.

Когда враги, набросивъ сходни,
Вломились буйно въ храмъ святой,
Тамъ воздымалъ Дары Господни
Священникъ въ ризѣ золотой.

Какъ бы грозясь безстыднымъ фескамъ
За поруганіе небесъ,
Онъ отступалъ къ настѣннымъ фрескамъ,
И во свѣтломъ облакѣ исчезъ.

Но есть старинное преданье.
Оно твердитъ, что день придетъ,
Когда исполнится мечтанье
И полумѣсяцъ упадетъ.

Въ тотъ свѣтлый день въ Софійскомъ храмѣ
Подъ звукъ воскресныхъ тропарей,
Въ стѣнахъ, съ Господними Дарами
Предстанетъ древній Іерей,

И Онъ дослужитъ литургію,
Что битвой прервана была.
Царьградъ зоветъ. Зоветъ Россію.
Царьградъ звонитъ въ колокола.

Русская смерть.

Памяти миннаго транспорта Прута.

Когда, таясь, какъ воръ порочный,
Облекшись въ матовый туманъ
На Севастополь въ часъ полночный
Дерзнулъ продажный оттоманъ,

Ты предпочелъ предаться безднамъ,
Чѣмъ взрывомъ сдвинуть берега,
И палъ съ безстрашиемъ желѣзнымъ,
Не ставъ добычею врага.

И вскрывшій дно, въ ночномъ просторѣ,
Тѣсимый водною горой,
Ты умиралъ на Черномъ морѣ,
Какъ русскій воинъ и герой.

Когда твой бортъ равнялся съ пѣной,
А смерть стояла на рулѣ,
Читалъ твой пастыръ вдохновенно
Молитвы въ грозной полумглѣ,

Служилъ, какъ въ храмѣ, чинъ обѣдни,
Въ порывѣ истинно святомъ,
И, погружаясь, въ мигъ послѣдній
Былъ видѣнъ съ поднятымъ крестомъ.

Уже вдали туманъ бѣлѣсый
Алѣлъ, предчувствуя зарю,
И пѣли русскіе матросы
Гимнъ Православному Царю.

Тотъ подвигъ, гимны, тотъ молебень—
Въ народной славѣ не умрутъ...
Не онъ герой, продажный Гебенъ.
Ты побѣдилъ, малютка Прутъ!

Сѣверный гнѣвъ.

Взмыль берега и кличетъ глухо
Дѣдъ—Ледовитый океанъ:—
«Вставай, зима! Снѣжи, старуха!
Бѣда—у нашихъ поморянъ».

«Иди скорѣй! Да, чуръ, побольше
И льду и снѣга приготовь.
Держи дорогу къ теплой Польшѣ,
Гдѣ льется сѣверная кровь».

«А если тамъ остались гости,
Въ ихъ жилахъ кровь заледени,
Развѣй въ поляхъ ихъ злыя кости,
Задуй походные огни!»

«Глаза слѣпи колючимъ снѣгомъ!
Запугай выюгами пути!
Въ окопы къ нимъ лихимъ набѣгомъ
Сугробы снѣга намети!»

«Морозной плетью разузорной
Гони ихъ вонъ, гони проворно.
Ледяной цѣпью угрожай!
А Русь укрой, чтобъ дали зерна
Богатый добрый урожай!»